

Морфесси Ю.

удек. - 1990. - Мект.
РЕТРО

Король ромansa

Имя этого певца ныне известно немногим: людям старшего поколения, любителям романса да музыковедам. А между тем всю первую половину нашего века его талантом могли наслаждаться миллионы людей вначале в России, а затем и в других странах.

Голос Юрия Морфесси звучал с театральных подмостков, граммофонных пластинок, по радио. Но если в Советской России пролеткультовские эстеты и прочие посетители «новой» культуры упоминали его имя не иначе как с добавлением «белоэмигрантский пансонье», то среди миллионов наших соотечественников, волею судьбы оказавшихся за пределами Отечества, его, как и прежде, величали «кумиром оперетты», «баяном русской песни», «звездой эстрады», «королем русского и цыганского романса» и т. п. Так называли Юрия Морфесси не только восторженные поклонники, но и Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, Н. Плевницкая, А. Давыдов, Н. Балиев, А. Вертинский, Н. Монахов и многие другие авторитеты артистического мира.

пион мира по французской борьбе И. Заикин; Калхаса — знаменитый русский писатель А. Куприн, отдыхавший в это время в Одессе.

Всем известно, одеситы любят розыгрыши, ценят юмор. На представление собралось множество зрителей. Вот как вспоминал об этом концерте его участник А. Алексеев: «По-настоящему играли и пели в оперетте лишь Е. Грановская и Ю. Морфесси. Я — только играл, без пения. Иван Заикин тоже только играл... своими чудовищными мускулами. А Александр Иванович Куприн сыграл Калхаса с таким сочным юмором и такой отсебятиной, что зал буквально покатывался от смеха...»

С НАЧАЛОМ первой мировой войны Юрий Спиридонович Морфесси дает множество благотворительных концертов в пользу раненых и детей-сирот. Выступает как в Петрограде, так и в Москве — в «Эрмитаже», «Славянском базаре», на «Петровских линиях». Огромными тиражами выходят его грампластинки. Это и арии из оперетт, русские и цыганские романсы. Сотни тысяч (!) грампластинок Юрия Морфесси звучат в богатых особняках, в ресторанах, трактирах, в казармах, фабричных общежитиях. Вся страна запела в манере и с голоса Морфесси. Многие поэты, композиторы старались писать новые свои романсы специально для этого талантливого исполнителя.

Революционные события 1917 года застали Юрия Морфесси в Москве, где он выступал в театре Стрейского (ныне филиал Малого). Юрий Спиридонович сначала уезжает в Екатеринбург, затем в Крым. Так уж получилось, что последним городом, где певец давал концерты, была Одесса. В 1920 году он эмигрировал.

Гастролируя во многих странах Европы, Ю. Морфесси всюду имел необычайный успех. Болгария, Польша, Румыния, Латвия, Литва, Эстония, Франция. Он обосновался в Париже. Выступает в различных ресторанах и кабаре. Его слушателями и зрителями становятся в основном эмигранты из России, с особой теплотой и ностальгией воспринимающие каждую песню, каждый романс на родном языке: «Соколовский хор у Яра», «Любовь прошла», «Обидно, досадно», «Эй, ямщик, гони-ка к Яру» и другие.

Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, Н. Плевницкая, А. Вертинский, И. Кремер... Сколько одаренных, талантливых сынов и дочерей России вдруг оказались отверженными, остались не у дел в своем Отечестве. Миллионам

наших изгнанных соотечественников несладко пришлось на чужбине. Болезненно проходила их адаптация на неродной земле. Не все выдерживали ностальгические муки... Однако везде и всюду более сильные духом подерживали слабых, обездоленных. Примеров тому масса. В различных странах в 20-х годах возникли десятки всевозможных фондов помощи бедствующим россиянам. По-прежнему пылко отзывался на подобные акции и призывы Юрий Спиридонович Морфесси.

Довольно долго Ю. Морфесси давал концерты в фешенебельном ресторане «Кавказ» в Париже. Затем певец подписал контракт на выступления в ресторане-кабаре «Эрмитаж», где пели Н. Плевницкая, А. Вертинский, М. Гулеску, приезжала И. Кремер.

ТАК прошли пятнадцать лет. Неудачи в личной жизни (Юрия Спиридоновича оставила жена) заставляют его сменить обстановку, уехать из Парижа. Он переезжает в 1935 году в Югославию и выступает здесь с концертами вплоть до 1940 года.

Константин Тарасович Соколовский, известный певец, живущий ныне в Риге, вспоминает те годы, рассказывал мне недавно:

— Впервые выступление Юрия Морфесси я увидел у нас в Риге в конце 20-х. Было это в фешенебельном кабаре «Альгамбра». Пел он в том концерте русские и цыганские романсы. На нем был яркий боярский костюм, очень гармонизированный с его импозантной внешностью. Публика и я, конечно, были восхищены красотой его голоса. Мне, начинающему певцу, познакомиться тогда с ним не удалось.

— Спустя годы, — продолжал К. Соколовский, — я оказался на гастролях в Югославии. По контракту мне предстояло в течение февраля 1937 года выступать в белградском кабаре «Казбек». Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в этом самом «Казбеке» только что закончил свои концерты Юрий Морфесси. А сейчас он продолжает выступления в другом кабаре. Признаться, я здорово струхнул, хотя, гастролируя по европейским столицам, вроде бы заявил о себе как певец. Однако выступая здесь, сразу после знаменитого певца, у меня не хватало смелости.

Забегая вперед, скажу, что мои опасения оказались напрасными, публика приняла меня очень тепло, и я вместо

одного месяца (по контракту) пропел там год и семь месяцев. И все это время мечтал увидеть и услышать Морфесси. Но так получилось, что он и я выступали почти в одно время.

И вот однажды мне удалось уговорить хозяина «Казбека» перенести время моего выступления. Он согласился. Тогда мы с приятелем Миле Беговичем, тоже певцом, участвующим со мной в программе в «Казбеке», отправились на Балканскую. Заняли нишу зала, как раз против оркестра.

Медленно гаснет свет, вспыхивает прожектор и объявляют выступление Морфесси. Юрий Спиридонович спокойно под овации публики поднялся на подиум. Как король, степенно, с достоинством обвел взглядом зал. Пауза длилась почти минуту. Зал замер в ожидании, забыв, что на столиках яства и вина, а рядом прекрасные дамы.

Чуть заметным движением головы Морфесси подал знак скрипачу — начинать интродукцию. Полилась нежная мелодия. Морфесси как-то вытянулся вперед и вкрадчиво запел, как бы обращаясь к кому-то в зале:

«Ты говоришь, мой друг, что нам расстаться надо...»
И нет больше короля на сцене, нет гордого орла, а есть влюбленный, просящий вернуть потерянную любовь. Внезапно он преображается:

«Что мне горе, жизни море можно вычерпать два...»
Певец как будто вырос на голову, плечи раздвинулись, весь другой. Так он спел шесть-семь песен, прерываемых громом аплодисментов. Меняя тембр голоса, он как бы создавал иную картину перед зрителями и слушателями.

— Когда его выступление закончилось, я был в трансе, — признается Константин Тарасович. — Я не мог даже оставаться в зале. Вышел и всю ночь ходил по Белграду, не находя себя. Голову сверлила одна мысль: и я еще считаю себя певцом! Вот человечине поет!.. Да поет ли он? Это гилноз настоящий. И я вспомнил концерты Ф. Шаляпина в Бухаресте. Там тоже в каждой песне — своя изюминка, своя судьба. Нет, не напрасно Федор Иванович назвал Морфесси «Баяном русской песни»...

На следующий вечер мне посчастливилось познакомиться с Юрием Спиридоновичем. Мы подружились, стали видеться чаще, случалось — выступали в одних концертах. Встречались, как правило, после концертов в кафе Божки Божича, открытом всю ночь. Туда приходили артисты-кабаре, театров, журналисты, работники белградского радио. Юрий Спиридонович, весельчак по натуре, очень скоро стал душой нашей компании. На любой случай у него был готов отменнейший анекдот. Мы все просто поражались, откуда он их берет. Актеры и особенно представительницы прекрасного пола с обожанием смотрели на этого красивого крупного человека, неиссякаемый источник оптимизма и остроумия.

— Расстались мы с Юрием Спиридоновичем 14 апреля 1940 года, — завершил свой рассказ Константин Тарасович. — Я с трудом добрался до Риги, ведь путь лежал через Германию. В Европе уже полыхала война... Так превратилась моя дружба с Юрием Морфесси. Вскоре Латвия стала советской, и всякая связь с иностранцев прекратилась. Надвигалось серое, тревожное время...

О ДАЛЬНЕЙШЕЙ судьбе Юрия Спиридоновича Морфесси известно лишь, что он вернулся потом во Францию. Там у него была просторная квартира, своим убранством напоминавшая квартиру в Петербурге. Всюду висели афиши той поры, даже мебель он подобрал похожую на ту, что была у него в России.

Во время оккупации Франции немцами Юрий Морфесси уехал в Англию. После войны, вернувшись в Париж, он практически не выступал в концертах. Его мучили болезни: астма, печень. Последние годы жизни Юрий Спиридонович провел в полном одиночестве. Умер он в Париже в августе 1957 года в возрасте 75 лет.

Осталось около 200 различных грампластеек, напечатавшихся им на диски в разные годы. Его творчество оказало большое влияние на исполнительскую манеру многих певцов как классического, так и эстрадного репертуара. И мы должны сохранить это драгоценное наследие.

Ю. ВЕРЕЩАГИН.

Р. S. Автор выражает сердечную благодарность всем, кто помог ему в сборе материала о творческом пути нашего талантливого соотечественника, выдающегося певца Ю. С. Морфесси: В. Зайке (Москва); А. Кудашкину (Франция); М. Мандушеву (Ростов-на-Дону); К. Соколовскому (Рига) и другим.

НА СНИМКЕ: Ю. С. МОРФЕССИ в 1908—1910 годах.

К ЧИТАТЕЛЯМ! В будущем году редакция намерена продолжить публикации под этой рубрикой материалов о незадолго забытых певцах и музыкантах прошлых лет, чей талант приумножил наше культурное наследие.